Виктория Токарева

Тихая музыка за стеной

Издательство «Азбука»

Виктория Самойловна Токарева
Тихая музыка за стеной (сборник)

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21996097
В. Лобода. Тихая музыка за стеной: Азбука; Санкт-Петербург;
ISBN 978-5-389-12431-8

Аннотация

Окно в потолке слилось с ночью. Непонятно: есть окно или нет. Но прямо над головой светила далекая, чуть оранжевая звезда. Марс. Она сверкала и переливалась, как алмаз желтой воды. И хотелось верить, что там кто-то есть…

«Подошел официант, поставил цветы в вазу.

Розы чуть-чуть разомкнули свои лепестки. Стали видны полусферы.

Модель Вселенной. Нет цветка более красивого, аромата более благородного. Да, они увянут, пусть даже завтра, но сегодня они свежи и прекрасны. Все временное потому и ценно, что оно ненадолго».

В. Токарева

Содержание

Повести 5
Тихая музыка за стеной 5
Конец ознакомительного фрагмента. 63

В. Токарева
Тихая музыка за стеной

© Токарева В. С., 2011, 2012
© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Издательство АЗБУКА®

Повести

Тихая музыка за стеной

Когда Ариадна появилась на свет божий, ее маме Лизе было двадцать лет, бабушке – сорок пять лет, а дедушке – шестьдесят.

Все любили всех: дедушка и бабушка обожали друг друга, души не чаяли в своей дочке Лизе, и все хором полюбили новую девочку Ариадну. Так звали дедушкину маму графиню Ариадну Шереметьеву.

Дело в том, что дед и бабка – из бывших. Их предки происходили из богатого и знатного рода. Этот род продолжался бы и дальше, но его прекратила революция семнадцатого года.

Дед тщательно скрывал свое происхождение. Он был вынужденный конформист. Обнаружить правду в те годы значило потерять жизнь. А жизнь больше правды. Правда – составляющая жизни. Если теряешь саму жизнь, кому нужна твоя правда? Правда – это только слова, а жизнь дается Богом, и только Бог может ее отменить. К тому же деду нравилось жить независимо от социального строя и от такого понятия, как справедливость.

В юности дед пел: «Боже, царя храни», в зрелости прихо-

дилось петь: «Вышли мы все из народа». И ничего. У деда был хороший слух и красивый голос. Его ставили запевалой.

Родители бабушки были помещики. После революции бабушка говорила, что они агрономы. Врала, но не полностью. Хороший образованный помещик разбирался в сельском хозяйстве, являлся в какой-то степени агрономом. Фамилию Шереметьев сократили на треть. Получилось Шеремет. Вполне рабоче-крестьянская фамилия.

Ариадну записали Шеремет, поскольку родного отца не имелось в наличии.

Когда-то он, конечно, был, но его выдворили из семьи как простолюдина.

Позже Ариадна узнала, что папашу звали Алик и что он каждый раз, садясь за стол, занимал место дедушки. Бабушка возмущалась и говорила: «Сядьте на свое место», на что Алик удивленно поднимал брови и спрашивал: «А разве не все равно, где сидеть?»

Бабушка тяжело вздыхала. Она понимала, что в семье Алика не было традиций, а сам Алик без рода без племени. Есть он тоже не умел, в смысле – не умел пользоваться приборами, жевал слишком быстро, как будто боялся, что у него отнимут. Чай пил из блюдца, тянул, как из лужи.

Алик любил посещать баню, но после бани надевал нестираную рубаху, и от него неизменно пахло потом. Бабушка предоставляла ему чистую глаженую рубашку, но Алику жалко было использовать такую красоту, мять и грязнить, и

он надевал старую. В сущности, скромный был человек. Однако Шереметьевы его не оценили, а Лиза своего голоса не имела. Вообще-то имела, конечно, но он был слишком слабый на фоне бабушкиного авторитарного вопля. Графиня – она графиня и есть.

Лиза в те поры была студентка консерватории. Голос – как у ангела. Когда она пела, бабушка плакала. Не могла сдержать слез любви и восторга. Все ждали, что Ариадна (сокращенно Ада) тоже будет петь. Но оказалась бесслухая. Гудок.

Ада росла в неполной семье, без папы. Но при наличии такой бабушки никакого папы и не требуется.

Бабушка следила за обучением, за воспитанием, за питанием. Обучала хорошим манерам: правильно сидеть, держать спину, есть с закрытым ртом, не перебивать взрослых, не задавать вопросов, не рассказывать о себе, когда не спрашивают, не считать партнера глупее себя, не хлебать щи лаптем – это значит не снисходить до нижестоящих, держать дистанцию. Следить за модой, но не быть смешной, не надевать на себя откровенной дешевки.

Сама бабушка носила на пальцах семейные бриллианты, никогда не снимала. Украдут. Руки ее постоянно пребывали в воде, то стирали, то чистили овощи. Руки перестали быть холеными, пальцы раздулись от воды и от возраста, но бриллианты не менялись и продолжали стрелять синими огнями. При зажженном свете они переливались всеми цветами

радуги – видимо, бриллианты имели безукоризненно качественную огранку.

Бабушка следила за учебой Ариадны, навещала школьных учителей, ничего не пускала на самотек. Однажды она увидела, что у Ады в четверти пятерка по пению. Как это понимать? Гудок, поет мимо нот, и вдруг – отлично. Это проявление попустительства и несправедливость. То же самое, как за знание поставить два. Такое «пять» может извратить понимание ребенка о своих возможностях.

Бабушка отправилась к учительнице пения и спросила:

– За что вы поставили моей внучке «отлично»?

Сильно немолодая учительница вытаращила страдальческие глаза и объяснила:

– Они все так ужасно ведут себя на уроках. Скачут, орут. А ваша Ада сидит и молчит.

Значит, не за пение, а за молчание. За тихость. За скромность. За правильное поведение. Весь класс мучит слабую старушку, издевается. А тактичная девочка сочувствует. Сочувствие – драгоценная черта, такая же, как со-страдание, со-участие. Чувствовать другого человека как себя. Обратная связь. Такое не воспитаешь. С этим надо родиться.

Бабушка деликатно настояла на оценке «три». Не два, конечно, но и не пять.

Учительница жалко моргала редкими ресницами. «Зачем она работает?» – подумала бабушка. Но вслух ничего не сказала. Вокруг так много было необъяснимого «зачем».

Лиза (мама Ариадны) после консерватории попала в Большой театр. Театр находился неподалеку от дома, можно было добежать пешком, минуя общественный транспорт.

Ада любила Большой театр за его торжественную роскошь, за сочетание золота с красным бархатом. И еще ей нравилось обилие музыки: целая яма для оркестрантов и полная сцена голосящих артистов, и все вместе они красиво вопят, прорезают пространство высокими звуками. А публика – нарядная и причесанная, слушают благоговейно. Во время антракта не вскакивают, а поднимаются бесшумно, двигаются с достоинством, потом аккуратно садятся.

Ада замирала вместе со всем залом. Она была частью зала, частью человеческого сообщества, и это причастие наполняло ее смыслом и гордостью. Пусть у нее нет слуха, но зато есть место в зале для избранных. Первый ряд, кресло номер шесть.

Ада бегала в Большой театр как к себе домой. Ее знали все билетерши и легко пропускали. Она садилась в свой первый ряд, там всегда были свободные места. Оказывается, первый ряд не считается лучшим. Слишком близко к сцене.

Однажды Ада прибежала в валенках. На улице таяло. Валенки промокли, и на коврах Большого театра оставались темные, влажные следы.

Большой театр – помпезный, красно-золотой, с царской ложей, и вдруг – валенки и следы на коврах. Но это не все.

Ада просидела всю оперу «Аида» с мокрыми ногами, простудилась и заболела ангиной, с последующим осложнением на сердце. Осложнение называлось «ревмокардит». Клапан сердца слегка деформировался. Образовался систолический шум.

Бабушка буквально сходила с ума, кляла себя за тот трижды проклятый день, когда она выпустила внучку в валенках при нулевой температуре. Теперь у ребенка порок сердца, а сердце – это самый важный орган, необходимый на всю жизнь. Сердце качает кровь, сердце любит, в конце концов.

Аду освободили от физкультуры. Мать и бабушка тряслись над ней, не разрешали поднимать больше двух килограммов, и только дед был беспечен: ничего, вырастет.

И действительно выросла.

Шум в сердце остался, но едва прослушивался. Порок считался компенсированным, ничему не мешал.

Ада оказалась влюбчивой барышней, постоянно в кого-то влюблялась, каждый раз навсегда. А в двадцать лет выскочила замуж за студента медицинского института Осю по фамилии Мороз. Стала Ариадна Мороз. Тоже неплохо, хотя Ариадна Шереметьева лучше.

Ося специализировался на хирургии. Хирург – это мужская профессия. Только настоящий мужчина может решиться на ремонт человеческой машины.

Мирка завидовала Аде по всем пунктам и иногда даже

плакала от зависти. Нормальное дело в женской дружбе. Плакала открыто, не скрываясь. Сидела, подпершись, и снимала слезы со щек тонкими кривоватыми пальцами. Ада сочувствовала, но помочь ничем не могла. Не отдаст же она своего мужа Осю – такого умного и дельного. Ада высоко ценила своего Осю и, как чеховская Душечка, разделяла все его принципы. А именно: не брать денег у родителей, зарабатывать самому. Деньги – это свобода. Бедность унизительна. Далее: личные интересы выше общественных.

В семидесятые годы проповедовали как раз наоборот: общественное выше личного, и в результате – ни первого, ни второго. Ося не поддавался рабской идеологии. У него была своя точка зрения.

Когда через пятнадцать лет пришла перестройка, Ося вписался в нее легко и стремительно. Ему не пришлось перестраиваться и терять на это время. Ося открыл частную клинику, но это все потом, а тогда… Тогда едва наскребли на кооперативную квартиру. Основная еда – картошка с мясом. Котлеты с макаронами. На праздники – холодец и салат оливье.

Ада училась в МГУ на филологическом. Там учились все те, кто не знал, чем в жизни заняться. Просто получали высшее образование, а там будет видно. Можно писателем, можно учителем, можно журналистом в газете.

У Ады не было никаких ярко выраженных талантов, кроме таланта нравиться. Она нравилась всем без исключения:

молодым и старым, умным и глупым, кошкам и собакам, военным и штатским.

У Ады не было особых пристрастий. Она хотела любить и быть любимой. И больше ничего.

Бабушку это расстраивало. Она мечтала вырастить яркую личность с лидерскими замашками. Дедушка с ней не соглашался. Дедушка считал: если человек утром проснется и у него хорошее настроение – значит, он состоялся. Умение радоваться каждому дню – вот смысл жизни. Это от Бога, а все остальное от человека, и умение любить – это тоже талант.

Не все умеют. Далее: Ада красива и обаятельна. Обаяние – это душевный талант. А красота – это талант природы. Не одно поколение Шереметьевых трудилось и отбирало, чтобы создать такой экземпляр. Чего еще желать?

Иногда Аде казалось, что она маловато любит Осю, и тогда она начинала клясться ему в любви, как будто хотела словами пополнить недостающее чувство.

Ося внимал ее признаниям, но без особого волнения. Невозможно же всю жизнь трепетать как в первый раз. Ося выслушивал молча и благосклонно. Любишь? Очень хорошо.

– А ты? – допытывалась Ада.

– И я, – постно отвечал Ося.

Скучно. Но что делать?

Анна Каренина не вынесла такого перехода страстей на другой уровень. Бросилась под поезд. А Ада забеременела и

родила мальчика.

Роды оставили у нее отвратительное воспоминание: кровь, непереносимая боль, страх, – и все на фоне казенного дома, равнодушных врачей, бурчащих нянечек. Однако ушла из роддома не одна, а с сыночком. Ося нес ценный груз на руках, а следом шлейф родни.

Родня Оси явилась в полном составе. Наследник. Приготовили мальчику имя: Иуда.

– Вы шутите? – спросила мама Лиза.

– Нисколько, – ответил папа Оси.

– Иуда – христопродавец, – напомнила бабушка.

– Иуда давно реабилитирован церковью, – возразила родня. – К тому же он раскаялся, повесился на осине.

– Его в школе задразнят, – испугалась Лиза.

– Когда мальчик вырастет и пойдет в школу, сволочей не будет, – объявил папа Оси.

– Сволочи были, есть и будут. Всегда, – категорически заявила мама Оси. – Зачем усложнять ребенку жизнь? Желающие усложнить ему жизнь найдутся и без нас.

– Пусть будет Марк, – предложил компромиссный дедушка Ады. – Красиво и международно.

На том и остановились. Марк Осипович. Неплохо.

Первый год жизни Марка оказался трудным. Пожалуй, самым трудным в жизни Ады. На няньку не было денег, да и нянек в те годы не существовало. Наемный труд появился в

девяностые, после развала Союза. А в семидесятые обходились своими силами.

Мальчик плохо спал, просыпался через каждые два часа. Ада спала как на вахте. Только провалится в сладкое забытье, ребенок начинал кряхтеть и вытягивать из сна.

Днем тоже спать не удавалось. Ося уже работал, и его по восемь часов не было дома. Мама пела в опере: репетиции, спектакли, личная жизнь с первой скрипкой по имени Фима. Фима обещал уйти от жены, но медлил. Говорил: «Давай не будем торопиться».

Бабушка плохо ходила, болели колени. А от деда какая польза? Только погулять с коляской. Раз в неделю. Не будешь ведь каждый день ездить на другой конец Москвы.

Ада ждала Осю, чтобы скинуть на него ребенка и поспать. Но Ося торопливо ел и норовил куда-нибудь сдрыснуть (выражение подруги Мирки), то есть метнуться в сторону, как таракан из-под ладони.

Ося любил сына, но ему хотелось пожить своей жизнью, почитать медицинскую литературу, посмотреть телевизор, просто подумать в конце концов. У Ады все время было забито ребенком, и никуда не денешься, женская доля. Малыш без тебя пропадет – такой зависимый и драгоценный. Сокровище.

О том, что ребенок – сокровище, Ада осознавала в редкие минуты, когда Марик спал и сосал во сне палец. А все остальное время – отупляющий конвейер, одно за другим:

кормить, гулять, купать плюс нечесаные волосы и резь в глазах от постоянного недосыпа.

Родня Оси участвовала в воспитании внука телефонными звонками и подарками к празднику. Живого времени у них не было.

Мама Оси (Фира) любила своего мужа Давида Марковича, как в молодые годы, и даже смущенно признавалась: «Я люблю своего старика. Это смешно. Да?»

– Почему смешно? – лукавила Ада. Ей, конечно же, было смешно. Старуха говорит о любви. Хотя у Фиры были красивые глаза – длинные, зеленые, с тяжелыми веками, как у крокодила. Она была статная, не толстая, но все равно старуха. Под шестьдесят.

Ада еще не знала: если человеком восхищаешься, любовь не проходит. Достойную личность можно любить всегда.

Фира была благодарна Давиду Марковичу за многое: за сына Осю, за то, что не бросил, не отвлекся на другую женщину, за то, что обеспечивал, создавал достойный материальный уровень, за то, что прощал ей (Фире) легкие прегрешения. Фира пользовалась успехом у мужчин, и она им пользовалась, но никогда не предавала семью. И Давид Маркович не предавал. Зачем разрушать комплект – так считал Давид Маркович. А комплект – это Фира, Ося и он сам.

Как говорил один хороший писатель: «По-настоящему люди любят друг друга в старости». Шестьдесят лет – не старость, но игры сыграны. Пора подводить итоги. Фира была

довольна своими итогами. Счастливая женщина, если разобраться. В отличие от Ады.

Ада перемогалась. Ей хотелось чего-то еще плюс к тому, что было. Привычка убивает страсть. А хочется именно страсти, новизны и неожиданности.

Ося – хороший, положительный, прочный, лысеющий, умеющий заработать. У него уже была частная практика, хоть это и не поощрялось законом. Осе было тесновато в рамках закона, он лавировал между можно и нельзя, у него все получалось. Ося много и успешно работал, у него были шелковые руки.

Мирка завидовала, и ее слезы становились все более соленые, едкие, и можно понять: у Ады сын, семья, деньги и красота. А у нее, у Мирки, только золотая душа, которую никто не ценит.

У Ады действительно было всё, только этого мало. «Жду любви не вероломной, а такой большой, такой огромной, как в сияньи солнца океан», – серебром заливалась певица из телевизора. Ада замирала. Она тоже ждала любви не вероломной, не той, что ломает веру в человечество, а такой большой, такой огромной, как в сияньи солнца океан. Где она, такая любовь? А нету. Только в песнях.

К соседям приехала родственница из деревни, тетя Груша пятидесяти двух лет. Выглядела на семьдесят. Оказывается, работать в поле не полезно – большая нагрузка и мно-

го солнца. С точки зрения Ады, Груша была поразительно некрасива: коротенькая, никакой фигуры, лицо невозможно запомнить. Но маленькому Марику она очень понравилась. Более того, он в нее влюбился страстно, и ничего более красивого, чем ее лицо, он не видел в своей трехлетней жизни. Из глаз тети Груши на него изливались голубые, теплые лучи счастья, покоя и добра. Марик хорошо ел из ее рук и легко засыпал на ее груди.

Тетя Груша тоже влюбилась в Марика и мечтала забрать его с собой в деревню либо остаться с ним в Москве. Выбрали второе. Тетя Груша стала нянькой. Ее не надо было перепроверять. Большое дело.

У тети Груши не было своих детей, и все ее неутоленное материнство выплеснулось на Марика. Дом наполнился любовью и смыслом. А кто мог знать, что маленькая корявая тетя Груша так украсит и так осмыслит дом.

Ада пошла работать. Устроилась на телевидение в музыкальную редакцию. Фима помог, у него были связи. Какая-то польза от Фимы все-таки была.

Телевизионщики – особая каста. Туда попадаешь как в секту – и с головой. Вырваться невозможно, да и не хочется. Телевизионщики преданы делу не за страх, а за совесть. Готовы работать бесплатно.

У Ады были свои предпочтения в музыке. Она не понимала рок, не воспринимала Шостаковича. Для нее Шостако-

вич – как железом по стеклу. Обожала старинные романсы, совершенно не могла слушать авторскую песню. Безголосые авторы пытаются петь натужными голосами, как будто их душат. Силу голоса заменяет крик. Аде часто намекали, что она не разбирается в музыке. Но редактору это не обязательно. Главное, чтобы все бумаги были подписаны, на все песни имелось разрешение, чтобы музыканты в кадре были не пьяные, не наколотые и прилично одетые.

Сама Ада одевалась незаметно: что-то темненькое, скромное, в облипочку. Никогда не запомнишь – в чем она была. Но руки… Тонкие запястья, тщательный маникюр, ногти продольные, как миндаль, блестящие, как леденец. И кольца – настоящие многокаратные бриллианты голубой воды плюс старинная работа. Кто понимал, сразу видел: на руках висит состояние. И именно по рукам становилось ясно, что простая редакторша Ариадна Мороз – совсем не простая.

Шел неплохой, спокойный период: семья, работа, дружба и служба, надежная нянька, живые родители, бодрые дедушка с бабушкой – чего еще желать? Но Ада все время чего-то ждала. Как на вокзале: вокруг суета, люди, но все это временно – чужая суета, чужие люди. Придет твой поезд и увезет в другую жизнь.

Праздновали день рождения Ады. Юбилей. Двадцать пять лет. Четверть века.

Ада грустила: двадцать пять лет – конец юности, нача-

ло молодости. Молодость хорошо, но юность лучше. Однако юность ушла и сказала «до свидания». Жаль.

Ада плакала на лестничной площадке, Ося утешал. Говорил, что будет любить ее во все времена, включая зрелость и старость.

Позвонила Мирка. Спросила: можно ли привести с собой приятеля? К ней приперся приятель, и его некуда девать. Ада не стала спрашивать – что за приятель. Какая разница? Человеком больше, человеком меньше, стульев хватает, еды навалом. Бабушка уродовалась целую неделю.

Все усаживались за стол, когда в дверь позвонили.

Ада помчалась открывать. Толкнула дверь и увидела приятеля рядом с Миркой. Приятель – красивый, похож на композитора Раймонда Паулса. Веки слегка припухшие, как будто шмель покусал. Может, перепил накануне. Но какая разница? Ей-то что? Раймонд Паулс – не ее тип. Ада не любила красивых.

Приятель протянул руку и представился:

– Леонардо.

– А если перевести на русский? – спросила Ада.

– Так же и будет. Папаша придумал. Пьяный был.

При получении паспорта букву «о» упразднили. Осталось Леонард. Сокращенно: Леон. Он стеснялся своего имени. Считал его пышным и безвкусным.

Леонард работал в крутой газете на крутой должности (международник) и скоро должен был отправиться в капита-

листическую страну. О такой карьере мечтали многие. Сейчас – другие времена. Куда хочешь, туда и поезжай. Были бы деньги. А тогда… Выехать из Страны Советов на Запад – это все равно что пересесть с баржи на роскошный корабль, «Титаник» например (до его столкновения с айсбергом, разумеется). Леонард преуспевал, вне всяких сомнений. Но сейчас, в дверях незнакомой квартиры, он испытал неуверенность. Все его достижения показались пустяком в сравнении с этой девушкой. Она была прямая и тонкая, как стрелочка. И стремительная. Казалось, что она с трудом удерживается на месте. Заставляет себя стоять. Ей хочется куда-то мчаться, или пуститься в танец, или взлететь к потолку.

– Проходите, – пригласила Ада. – Очень приятно.

И правда приятно. Откуда у Мирки этот Леонард? Где она его нарыла? Скорее всего одолжила у кого-нибудь из подруг. Мирка это практиковала. Когда неудобно было прийти одной, она звонила подругам с просьбой: «Дай мне твоего мужа на один вечер сходить в посольство…» Иногда ей удавалось, но чаще нет. Подруги говорили: «Заведи своего, тогда и ходи». Никто не хотел делиться мужем даже на один вечер.

Позже выяснилось, что Мирка Леонарда не одалживала. Он действительно был приятель и сосед. У него в доме травили тараканов, по квартире плавали ядовитые испарения, а у Леонарда – астма, необходимо было исчезнуть минимум на двенадцать часов. Жена Леонарда сплавила своего мужа к соседке (Мирке). Мирка как раз собиралась на день рож-

дения и прихватила Леонарда в качестве подарка. К Леонарду прилагались французские духи «Фиджи». Они как раз появились в продаже. Первые французские духи. А до этого обходились своими, отечественными: «Серебристый ландыш», «Белая сирень». Все советские женщины пахли примерно одинаково.

Леонард держал в руках огромный букет белых астр. Астры долго стоят в отличие от роз, хотя розы красивее.

Ада привела гостей к столу. Собравшиеся с интересом рассматривали пришедших.

– Это со мной, – объявила Мирка.

Она не представила Леонарда как соседа. Ей хотелось, чтобы этого невозмутимого красавца приняли как кавалера, а может даже, жениха. Почему бы и нет? Чем она хуже других подруг, которые явились вместе с мужьями. А она – как одинокая гармонь. И так всегда. Из года в год. И снова замерло все до рассвета. И на рассвете тоже никаких изменений.

Леонард сидел тихо, рассматривал гостей. Муж (Ося) ему не нравился. Глаза как маслины, румяные полные губы.

Еда была превосходная. Леонард в этом разбирался. Он сам любил готовить и сам придумывал рецепты. Может быть, это было его призвание, но судьба подсунула ему другое занятие.

Леонард понимал, что, отправляясь в Америку, он должен будет совмещать несколько функций. Он должен уметь мно-

гое, в том числе вербовать кого надо и куда надо. Внешняя разведка. А Леонард – элита внешней разведки. Об этом никто не должен знать, даже жена.

Такая работа хорошо оплачивается. Но дело не в деньгах. Совсем не в деньгах. Леонард служил своей стране, своему государству. А каждое государство, как и всякий сложный организм, должно уметь себя защитить. В человеческом организме, например, существуют лейкоциты. Если где-то возникает инфекция, лейкоциты устремляются в тревожный участок, сражаются и гибнут. Что такое гной? Это погибшие лейкоциты. Без внешней разведки государство ослабнет. Его сожрут чужеродные вирусы.

В народе осторожно относятся к «лейкоцитам». Это от невежества. Но ведь всем не объяснишь. Лучше помалкивать. Леонард и помалкивал. Смотрел на гостей. Гости ели, время от времени вскакивали и перемещались в соседнюю смежную комнату, танцевали под магнитофонные записи. Леонард любил смотреть на танцующих. Был виден темперамент и характер.

Ося танцевал хорошо, но у него была плохая фигура, и это мешало.

Ада танцевала самозабвенно, как ребенок, забыв себя, вся перетекая в танец. Мир прекрасен. Мир создан только для того, чтобы любить ее, Аду, и все в ней кричало: «Любите меня! Держите меня, а то улечу!»

Леонард завидовал Осе, страдал. Старался не задержи-

ваться глазами на ее ногах, передвигал взгляд на сидящих за столом. Старик и старуха – совсем древние. Но красивые. Дед – в черно-белом с прямой спиной, с изысканной тростью, прислоненной к креслу. Набалдашник трости – в виде головы собаки, выполненной из старого серебра. Дед сидит в кресле и держит руку на голове собаки. Как Мазепа.

Старуха похожа на орлицу. Нос слегка крючком, глаза – пронзительные, видят с любой высоты. От такого взгляда не спрячешься. Никогда не скажешь: бабка. Дама. На шее – жемчуг, крупный, слегка желтоватый. Не китайский, искусственно выращенный, а настоящий, со дна моря. И старуха – настоящая, как ее жемчуг. Знает всему истинную цену.

Здесь же за столом – мама Лиза и ее подруги, артистки Большого театра. Сорокапятки (сорок пять лет). Выглядят на десять лет моложе, но поезд ушел. Сорок пять – ни туда ни сюда. Счастья хочется, да где ж его взять. Все ровесники женаты, и Фима в том числе. Остается рассчитывать на разведенных и на вдовцов. Однако в сорок пять редко кто умирает. Значит, и рассчитывать не на что.

За столом присутствует третье поколение: Ада и ее подружки с мужьями и без мужей. Втягивают в себя еду как пылесосы. «Кипит прожорливая младость».

Дед смотрел мудро, как старый пес. Вот оно, племя младое, незнакомое. Деду досталась долгая жизнь со многими событиями. Он жил как Шереметьев и как Шеремет. Разница большая, но все-таки – это лучше, чем сидеть в эмигра-

ции, стеная по ушедшему, и, уж конечно, лучше, чем не жить вообще. Значит, он все сделал правильно, выбрав компромисс. Не стал разбивать лоб о стену, как это делали его друзья, борцы за правду. И где они? И где он? За праздничным столом. Рядом с ним – жена, путеводная звезда, всегда светила в нужном направлении.

Перед ним – красавица внучка. Жалко, что дочь родила один раз. Хорошо бы иметь второго внука. Мальчика. Он пошел бы дальше, восстановил утраченное богатство. Хотя, если честно, сейчас не время для разворотистых натур. Разворотистые уходят в подполье (цеховики) или сидят по тюрьмам (спекулянты). Сейчас можно только продаться новой власти, и то не задорого.

Время правды еще не пришло. Но придет. Возможно, после его смерти. Дед верил в Бога и не боялся смерти. Считал, что смерть – естественный переход из одного состояния в другое. Смерть – это не точка, а запятая.

Застолье набирало силу.

– Лео, скажи тост! – заорала Мирка.

Леонард поднялся. Задумался.

– За корни, – произнес он. – За дедушку и бабушку.

– И за ствол! – выкрикнул пьяный Фима. – За маму.

– Тогда и за веточку, за Ариадну! – вставила Мирка.

– Это уже три тоста, – сказала Ада. – Будем пить по очереди.

Ада потянулась к Леонарду с фужером, и прежде хруста-

ля встретились их пальцы. Рука коснулась руки. Проскочила искра. Дернуло как током. Сердце Ады споткнулось. Она покраснела. Стало жарко, жадно выпила фужер вина. Села, стараясь не смотреть на Леонарда. За ствол и ветку пили без нее.

Снова включили магнитофон – тяжелый ящик с крутящимися бобинами. Еще не пришло время дисков. Но музыка семидесятых годов – прекрасная: Тухманов, «Песняры», ранняя Пугачева.

Ада ушла в соседнюю комнату. Танцевала одна, как будто втаптывала музыку в паркет. Ей никто не был нужен.

Мирка подобралась к Леонарду и повела его танцевать.

Плыла медленная музыка. Танго. Танго подразумевает секс, вернее – подготовку к сексу. Леонард не испытывал к Мирке ничего, как к пустому месту. Никакой химии. Все в нем молчит. Мирка была активная, как парень. Леонард не любил активных. Он танцевал, и голова его постоянно поворачивалась в сторону Ады. Как подсолнух к солнцу. Он этого не замечал. Получалось само собой.

Мирке стало скучно. Она бросила Леонарда посреди танца, повисла на ком-то еще. Кажется, на Фиме. Фима был польщен. Фиме как раз нравились активные.

Леонард подошел к Аде. Ада опустила руки на его плечи. Он положил свою большую горячую ладонь на ее спину. Рука заскользила как по мрамору. Пальцы не нашли перепонки от лифчика. Значит, без лифчика…

Леонард услышал биение своего сердца. Оно стучало явственно и гулко. Он боялся, что Ада услышит.

Ада услышала и положила узкую ладошку на его грудь. Усмиряла зверя, сорвавшегося с цепи. Он опустил лицо в ее волосы. От волос слабо пахло розами и дождем. Это – не духи. Это ее личный запах природной свежести.

Леону захотелось встать пред ней на одно колено, и даже на два, склонить голову (точнее – главу) и так стоять, коленопреклоненным. Но… неудобно перед мужем. Пришел в приличный дом, так и веди себя прилично.

Леон вернулся к столу. Выпил водки, чтобы уравновесить одно с другим. Что с чем – неясно. Себя с этим вечером. Откинулся на стул и наблюдал, как плывут стены, плывет люстра с огнями. Плывет музыка и голоса.

Ада танцевала одна. Ее лицо, грудь, живот, коленки – все это было обращено к Леонарду, все пело и взывало: люби меня…

Нарисовалось зыбкое лицо Мирки и спросило:

– Лео, тебе не скучно?

Леонард вернулся домой и лег спать. Прежде чем провалиться в сон, успел выдохнуть: Ариадна…

Утром он проснулся: Ариадна… Это было первое, что посетило его сознание. Это и был вдох.

Дома, на работе, в постели с женой и даже в кабинете у начальника он танцевал танго, и его пальцы скользили по мра-

морно-скользкой спине, а острые твердые грудки клевали его грудь. Начальник что-то спрашивал. Жена что-то спрашивала.

Леонард смотрел бессмысленно. Потом, очнувшись, видел собеседника и произносил:

– Что?

Жена Зоя смотрела подозрительно.

– Опять? – хмуро реагировала она. – Бабник проклятый. Отрезать бы тебе яйца… Кастрировать, как кота.

Можно, конечно, пожаловаться в партком МИДа (Министерства иностранных дел). Тогда его призовут к порядку, не выпустят из семьи, но из страны тоже не выпустят. Перестанут доверять. Приходилось скрывать – и от парткома, и от соседей, и от родственников. Приходилось все носить в себе.

Зоя устала от похождений мужа. Но что поделаешь… Сколь тяжелые недостатки, столь весомые достоинства: перспективный, зарабатывающий, светлое будущее (Америка). Такие мужики на дороге не валяются. Она же не дура – отдавать свое счастье чужой бабе. К тому же ее Леон – отец их общего ребенка. А это – главное. Самое главное.

В начале их семейной жизни Зою буквально убивала неверность мужа. Она бунтовала, травилась даже. Потом постепенно привыкла. Не совсем, конечно, к такому привыкнуть невозможно, но… адаптировалась. И даже находила оправдание: он же не виноват, что на него вешаются. Лезут изо всех щелей как тараканы. Однако из любой точки земли

он возвращался домой, в свое гнездо. Увлечение и влечение – своим чередом, а гнезда не разоряют.

Пришло новое увлечение и влечение. Леонард не собирался разорять гнездо, но думал только об Ариадне.

Он боролся с собой трое суток: понедельник, вторник и среду. В четверг позвонил Мирке и попросил телефон.

– А зачем тебе? – ехидно спросила Мирка.

Она не любила, когда лакомые куски падали с ее стола.

– Не знаю, – честно ответил Леонард.

Мирка помедлила, потом продиктовала телефон.

Леонард записал заветные семь цифр на клочке бумаги. Потом долго сидел, уставившись на клочок. Он был готов к тому, что Ариадна не откликнется на его призыв. Но он должен был обозначиться и, как птица, просвистать свою трель.

Ариадна тут же сняла трубку и проговорила куда-то в сторону зашоренным голосом:

– А Меркулов подписал?

– Что? – спросил Леонард.

– Это я не вам, – отозвалась Ариадна. – Кто это?

Леонард понял, что попал в эпицентр ее занятости. Его звонок некстати, но не бросать же трубку.

– Не узнаете? – спросил он.

– Узнаю. Говорите быстрее.

– Встретимся? – спросил Леонард. Одно слово. Быстрее не мог.

– Когда, где? – тем же зашоренным голосом отозвалась Ариадна.

С этих «когда» и «где» началась новая глава в их жизни. Ариадна согласилась встретиться, а почему бы и нет? Все ее телевизионные подружки легко крутили романы – налево и направо, и только Ариадна жила без приключений. Без ярких вспышек. Мужа она менять не собиралась, но присовокупить… добавить соли и перца в пресные семейные будни…

Леонард встречал Ариадну в конце рабочего дня. Сидел в машине возле телевизионного центра. (Он тогда размещался на Шаболовке.)

Из проходной выпорхнула стайка девушек, заглядывали в машину.

Было неприятно, как будто засекли.

Появилась Ариадна. Шла и светилась. Казалось, что вокруг ее головы – нимб. Это были светлые волосы облаком, подсвеченные фонарем. Леонард не вышел из машины. (Конспирация.) Просто открыл дверцу. Она села.

Леонард молча включил зажигание, и они убрались из опасной, людной точки.

Приехали в ресторан «Арагви».

Лучше этого места не было в Москве семидесятых годов.

Там всегда подавали горячий хлеб-лаваш, свежайшее масло, пахнущее сливками, черную белужью икру с сизым оттенком. Икра приходила с Камчатки и в тот же день попадала на стол. И все это ставили под нос голодным людям. Для начала. А потом шли чередом: лобио, сациви, шашлык. Повара не халтурили. Марка «Арагви» должна быть на высоте. Только грузины могут все.

Ариадна и Леонард устроились в уголочке. Тепло и уютно. И дома все в порядке. Марик с Грушей. Можно не перепроверять.

Официант принес первые закуски и графинчик с водкой. Леонард разлил водку по рюмкам. Ему пить нельзя. За рулем. Но если совсем немножко… Он приподнимает свою рюмку и смотрит ей в глаза. Спрашивает:

– Ну?

На этот вопрос нет ответа. Гипотетическое «ну». Ну, поехали в первую встречу.

Ариадна смотрит в его лицо. Высокие брови, тяжелые веки, и взгляд тоже тяжелый, мужской. Нос – не короткий и не длинный, делит лицо пополам. Рот – крупный. Это красиво. Ариадна не любила мелкие черты лица, а короткие носы терпеть не могла. При коротких носах, как правило, длинное расстояние до верхней губы. А здесь все так, как надо. Соблюдены пропорции. Но дело даже не в пропорции, а в выражении лица. Главная краска – невозмутимость. Лицо ничего не выражает. Вернее, не так: скрывает истинные чувства.

Смотрит завораживающе, как змей. И ничего не поймешь.

Он ей нравится. Нравятся его лицо, одежда, душа и мысли. Хотя душа и мысли ей неведомы. Но она ловит их своим невидимым локатором. От него исходят тяжелые и горячие волны. Ей тепло и тревожно в этих волнах.

Вот тебе и Мирка. Казалось бы, никакой пользы от человека, а она пришла на день рождения и преподнесла Леонарда. Лео.

– Можно называть вас Лео? – спросила Ариадна.

– Лео – это Лев. Я – Леон.

– А дома как вас зовут?

– Лёня. По-человечески.

– Тогда я буду звать вас Леон.

Он смотрит невозмутимо, но самые кончики ресниц трепещут.

Он старается не задавать вопросов, но Ариадне почему-то хочется все ему рассказать: про дедушку и бабушку – настоящих Шереметьевых. Про то, как дедушка отдал Совнаркому свой особняк на Арбате. Большевики особняк взяли, спасибо не сказали, заселили рабоче-крестьянскими семьями. Деду разрешили жить в кладовке, в подсобном помещении, восемь метров. Но с окном. Окно выходило на юг. На подоконнике всегда стоял горшочек с геранью.

– А кто такой Меркулов? – спросил Леонард.

– Начальник.

– Красивый?

– Красивый. На Мопассана похож. Но старый. Пятьдесят лет. Пора документы на пенсию собирать.

– А я старый? – поинтересовался Леонард.

– А сколько вам?

– Тридцать семь.

– Много… – вздохнула Ариадна. – Мне тоже много. Двадцать пять. Но ведь счастья хочется.

К ним подошла продавщица цветов. Леонард купил у нее розы. Болгарские. Длинные стебли, туго закрученные бутоны.

– Зачем?! – вскрикнула Ада. – Они же завянут…

Ося не приучил ее к цветам. Он не понимал: зачем тратить немалые деньги на то, что завянет на следующий день и будет стоять в вонючей воде.

– Мы тоже завянем, – напомнил Леонард.

– Мы никогда не завянем, – убежденно произнесла Ариадна.

Подошел официант, поставил цветы в вазу.

Розы чуть-чуть разомкнули свои лепестки. Стали видны полусферы.

Модель Вселенной. Нет цветка более красивого, аромата более благородного. Да, они увянут, пусть даже завтра, но сегодня они свежи и прекрасны. Все временное потому и ценно, что оно ненадолго.

У Леона глаза цвета чая. Тяжелые веки. И так будет всегда.

Ада была уверена: она никогда не постареет. Ее тело всегда будет легким, а кожа шелковой и гладкой. Все вокруг постареют, а она нет. И еще ей казалось: все началось с того дня, когда она появилась на свет. До нее не было ничего и никого.

Стали встречаться.

Мотались по друзьям – кто даст ключи. Мирка вошла в положение, предоставляла квартиру своей мамы, которая время от времени уезжала в Ростов, к другой дочери, Миркиной сестре.

У Леона тоже были друзья, входящие в положение. Круговая порука. Сегодня ты, а завтра я. Сегодня они давали Леону ключи для греха прелюбодеяния, а завтра шли к нему домой на семейный праздник и произносили красивые тосты. Врали жене в глаза. На другой день печатали в газетах статьи, воспевающие развитой социализм. Понимали, что врут, но так надо. Такова се ля ви. Двойная мораль. Только дураки могут кусать руку, с которой кормятся.

Международники все понимали, но помалкивали. Дома слушали Высоцкого, тайно восхищаясь. А на работе печатали обличительные статьи. Такова се ля ви.

А что касается заповеди «не пожелай жены ближнего», то во второй половине двадцатого века эту заповедь никто не соблюдал. Более того, она казалась смешной. Только ограниченные особи без воображения могут прожить всю жизнь с

одной и той же женой и не пожелать чужую.

Желали – и жену и осла, и машину и дачу, и командировку за границу.

Зависть – сильное чувство, а зачастую и полезное. Стимул.

Часто Ада и Леон оставались без пристанища. И тогда они отправлялись на вокзал. Целовались на перроне. Изображали расставание. Поцелуй перед разлукой.

На них не обращали внимания, и они стояли – лицо в лицо, дыхание в дыхание, медленно, мучительно-нежно пили друг друга.

Ада влюбилась и не думала о завтрашнем дне. Сейчас она счастлива, а дальше – как будет, так и будет. Сказать себе: стоп – нереально. Это все равно что нажать педаль тормоза на полном ходу. Перевернешься и переломаешься насмерть.

Ада боялась, что ее счастье может прерваться. Не бывает, чтобы так долго было так хорошо. Она складывала руки перед грудью и просила неведомые силы: не отомсти…

И все-таки краденое счастье, как и срезанные цветы, не держится долго. Случилась беда. Посадили ее отца – того самого, который не нравился бабушке.

Он действительно не подходил своей жене-певице. Они были разные люди. Мать Ады (Лиза) любила сцену, полный зал, аплодисменты, комплименты. Публичный человек. А отец все это ненавидел. Ему бы пойти в гараж и смастерить

этажерку. Его совершенно не интересовала внешняя жизнь. Лиза не могла петь для себя одной. Она пела для других. И этим жила.

Постепенно их общая льдина треснула, и они расплылись в разные стороны жизненного океана. Лиза легко вздохнула, как будто сбросила со спины тяжелый мешок. Ариадна страдала в отличие от матери. Она любила своего отца. А отец нежно и преданно обожал свою дочь. В них было много общего. Общая матрица.

Когда отец заболевал, Ариадна все бросала и была рядом.

Отец больше не женился. У него была постоянная женщина (постоянка), но жениться он не хотел.

Отца посадили за то, что он сбил человека. Подслеповатую, неповоротливую старуху. Но возраст не имеет значения. Был человек живой, стал мертвый. Вот это имеет значение. Причинение смерти по неосторожности. Статья.

Отец плакал, пребывая в камере предварительного заключения. Похудел за месяц на двадцать килограммов. Ариадна боялась, что он не выдержит. Просила адвоката, чтобы отца скорее отправили на зону. Там полегче – свежий воздух, физический труд. Движение, общение, пусть на самом низком уровне, но все же общение. Обмен энергиями.

Отцу дали шесть лет – ниже низшего предела.

Он писал из Мордовии, что все не так плохо, но ужасная еда. Нельзя ли прислать шерстяные носки и десять головок чесноку.

Это значило, что он мерз и не получал витаминов. Тюрьма – карательный орган. Какие витамины, если государство карает и мстит.

В одно из свиданий Ада сказала Леону:

– Завтра я не могу.

– Почему?

– Меня не будет неделю.

– Ты меня бросаешь? – испугался Леон.

– Это ты меня бросаешь, – грустно проговорила Ада.

– В чем дело? Что? – забеспокоился Леон.

– Тебе нельзя со мной встречаться. У тебя будут неприятности. Я неблагонадежная.

– В каком смысле? – оторопел Леонард.

– У меня отец в тюрьме. Я должна к нему поехать.

– На сколько?

– На пять дней.

Леон молчал, обдумывая ситуацию. Потом сказал:

– Я одного часа не могу без тебя. Какие пять дней? Я поеду с тобой.

Ада думала, что это просто слова. Но Леон действительно поехал с ней.

Бежал к поезду на Саранск. Рассовывал в купе сумки с палками копченой колбасы. Колбасу доставал по блату. Тогда ее не было в свободной продаже.

Поезд вздрогнул и двинулся. Вагон покачивался.

Леон сидел напротив Ады и преданно смотрел на нее своими тяжелыми глазами в покрасневших веках. И она смотрела в его глаза, и ее заливала горячая благодарность.

Отношения приобретали новое качество. Как будто проросли корни, как у дерева. Эти корни пронизывают землю и держат прочно. И дерево устоит под любыми ветрами.

Возвращались через три дня. Ариадна плакала. Ее поразил потерянный вид отца. Он всегда был спокойный, самодостаточный. А сейчас – тень от человека. Тело без души.

Леон утешал, успокаивал. Он находил точные слова, которые западали в душу, и будущее уже не казалось таким беспросветным.

Купе было пустым, но спали на одной полке. Не хотели разлучаться. Ариадна и во сне чувствовала его крепкое, родное плечо и уже не представляла себе: как она сможет без него.

Леон сдвигался на самый край полки и, чтобы не рухнуть, опускал руку на пол, как подпорку.

Леон лежал и слушал сон любимой женщины. Ее дыхание – как музыка. А впереди предстояла разлука: долгожданная поездка в Америку. Но сейчас ему не нужна была эта Америка. Он готов навсегда остаться в тесном купе, спать на узкой полке с рукой на полу, но только вдвоем.

В середине ночи он все-таки перебрался на соседнюю полку. Надо было поспать хоть немного. Нужны силы, чтобы

преодолеть новый день.

Вернулись из Мордовии другими людьми.

Ариадна поверила Леонарду. Это ее человек – и в радости, и в горе. О политике говорят: «Политика – дело грязное». Наверное, в тех водах, где плавал Леонард, много мутного, но в этой мути тоже можно оставаться порядочным человеком. Можно быть политиком, бабником, даже алкоголиком, и все же сохранять человеческую суть.

Леон надеялся, что поездка в Америку как-то оттянется, перенесется, но… Его уже ждало назначение. Надолго. На пять лет. Это означало конец всему.

Жена Зоя ждала отъезда как соловей лета. Америка вернет ей мужа. В заграничных командировках семья обычно сплачивается. К тому же хотелось хорошо пожить в другом климате, вкусно покушать, поправить свое материальное положение. Привезти кое-что на продажу, заработать. И вообще… Америка – это Вавилон, который все поглотит и переварит.

Леонард не представлял существования без Ариадны, но заставлял себя не думать. Смириться. Мало ли с чем приходится мириться. Подводники мирятся с жизнью под водой. Старики мирятся с мыслью о смерти. Раз надо – значит, надо.

Прощались по телефону. Так легче и быстрее. Ариадна не хотела напрасных слов. Чего уж там? Все ясно.

Леон ничего не мог изменить. Сын. Карьера. Не бросать же все.

Да и она ничего не может изменить. Круг очерчен. Выйти из круга значит принести реальное зло близким людям. И все оттого, что ей нравится с ним спать, на него смотреть, слушать, вдыхать. Да что уж там… Горе, и больше ничего. Не надо было начинать. Думала – так… легкая интрижка, как простуда. А оказалось: любовь – тяжелая хроническая болезнь.

Леон уехал, а через полгода вернулся обратно.

Все это время ему казалось, что он – в аквариуме. Сидит на корточках и не дышит. Сколько можно не дышать? Необходимо вынырнуть и набрать полную грудь воздуха. А воздух – это Ариадна.

Леонард попробовал заливать тоску алкоголем, но становилось еще хуже. Он заметил: когда ему хорошо, то от алкоголя становится еще лучше. И наоборот. Если плохо – то еще хуже. Полный тупик.

Леон придумал причину. Его отпустили на месяц. Он рванул в Москву. Стал тут же звонить, из аэропорта. Но то ли телефон оказался сломан, то ли кто-то висел на другом конце – сплошные короткие гудки.

Леон взял такси и поехал на Шаболовку.

Ариадна вышла из проходной. Увидела Леонарда. Решила, что у нее галлюцинации. Откуда ему здесь взяться? На-

верное, просто мужик, похожий на Леона. Но мужик подошел. Это он. Его запах, слегка апельсиновый. Галлюцинации не пахнут.

– Это ты? – на всякий случай спросила Ариадна.

– Это я, – подтвердил Леон.

Поехали в «Арагви». А куда же еще?

Все обсудили без лишних слов.

– Я без тебя не могу. И не буду, – просто сказал Леон. – Я решил развестись с женой.

Ариадна обежала глазами любимое лицо. Он устал, оброс, вылезла щетина. Как партизан, который пробирался через территорию врага и наконец вышел.

– Тебя погонят с работы, – сказала Ада. – У вас разводы не поощряются.

– У кого «у вас»?

– У шпионов.

Леон молчал. Не опровергал и не соглашался. Потом сказал:

– Как будет, так и будет. Я готов сменить профессию.

– Тебе не дадут работать. Нигде.

– Как будет, так и будет…

Ариадна не могла поверить: неужели всё это – его лицо, руки, его тепло и его дыхание – все это может стать ЕЕ? Надвигалась перемена участи. Однако всякая перемена несет в себе нечеловеческие усилия и полный разгром.

Все оказалось не так страшно.

Профессию менять не пришлось. Леонард оказался ценный кадр, такими не бросаются. Начальство попробовало отговаривать, стращать, но Леон не пугался, стоял на своем. В результате решили не применять санкций, все оставить как есть. Сделать вид, что не заметили. Была одна жена, стала другая. На анкете не особенно отражается. Да и времена – не сталинские. Помягче стали времена, что там и говорить…

С начальством обошлось. А вот с семьей оказалось труднее, чем он думал.

Он долго скрывал от Зои свое землетрясение, но шила в мешке не утаишь. Зое доложили. Она немедленно вернулась в Москву.

– Это правда? – спокойно спросила Зоя.

– Правда.

– Что ты решил?

– Развестись. Я ухожу.

– Володе скажешь сам, – постановила Зоя. – Иди и скажи.

Леонард медлил. Ноги налились тяжестью, как у каменного гостя. Зоя взяла его за руку и втащила в комнату сына.

– Говори! – приказала Зоя.

Десятилетний Володя сел на кровати. Устремил на отца свои круглые, такие любимые глаза.

– Володя… Я ухожу от вас, но я вас не бросаю…

– Куда? – не понял Володя.

– Папа полюбил другую женщину и другого мальчика, –

объяснила Зоя.

– Это правда? – удивился Володя.

– Нет. Неправда. Я люблю только тебя.

– Тогда почему ты уходишь? – Володя смотрел на отца.

– Из-за внутрисемейных отношений.

– А что это такое?

Володя смотрел и ждал. Он был еще маленький, чтобы понять. И только чувствовал, что в воздухе растворилось что-то ужасное. Хотелось закричать.

Леонард не мог больше смотреть в глаза сына. Он как будто заглянул в свое предательство.

Повернулся и вышел из комнаты. Еще никогда ему не было так тяжело.

На другой день к Зое прибежала соседка со скандалом. Оказывается, Володя подбивал ее сына Вадика к игре на риск: перебегать дорогу перед носом проезжающих машин. И они перебегали почти под колесами грузовиков и легковушек.

Зоя вошла к мужу и сказала:

– Вот чего ты добился. Мальчик хочет покончить с собой.

Леонард обмер и пошел к сыну.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он.

– Я хотел доказать.

– Что доказать?

– Что мне ничего не страшно.

– И смерть?

– В том числе.

– А кому доказать? Мне?

– В том числе.

– Не делай так больше. Я тебя прошу.

– А тебе какая разница? Ты же уходишь.

– Нет. Я никуда не ухожу.

Леонард решил остаться в семье. Жертвовать сыном он не мог.

Ариадна тем временем объяснилась с Осей.

Ося держался стойко, скрывал уязвленное самолюбие. Посоветовавшись со своим папашей, решили поделить имущество на три части. Две трети Ариадне, поскольку у нее ребенок, а треть себе.

Ося оставил Ариадне квартиру, но мебель забрал. Мебель была антикварная, из карельской березы с бронзой. Осин папаша разбирался – во что надо вкладывать деньги.

Ариадна осталась в голых стенах, но с крышей над головой. Первое время ели на подоконниках, подстелив газетку. Спали на полу, на матрасах.

Леонард медлил. Не шел в новую жизнь с газеткой на подоконнике. Дело, конечно, не в газетке, а в близких людях.

Раньше ему казалось, что все будет проще: и сын при нем, и любимая женщина. Но нет… Случилось буквально землетрясение, земля обетованная раскололась до ядра. Сын ходил подавленный. Зоя каждый вечер уходила в ванную пла-

кать, пускала воду, чтобы не слышно было рыданий.

Леонард похудел, осунулся. Не знал, что делать. Уйти он не мог. И оставаться тоже не мог. Он обещал Ариадне. И Ариадна уже сделала первый шаг. Приходили мысли: разбиться на машине, чтобы ни туда ни сюда.

Ада ничего не могла понять.

Леонард обещал переехать в пятницу, но исчез. Его не было ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье.

– Ты был на даче? – догадалась Ариадна.

– Я был на дипломатическом приеме, – выкручивался Леон.

Ариадна вдруг поняла, что ее постигнет та же участь, что многих ее подруг. Мужики тянут резину до тех пор, пока это возможно. А потом, когда резина рвется, – исчезают с горизонта. Вязнут в своей семье. Время работает против любовниц. Мужчины не любят терять свою привычную жизнь. У них образуются рефлексы – условные и безусловные. Ломать их – невыносимо.

Ариадна пошла на штурм. Договорилась с Миркой. Мирка позвонила Зое.

– Это говорит домоуправ Морозова, – представилась Мирка.

– Кто? – не разобрала Зоя.

– Начальник ЖЭКа вашего дома.

– А в чем дело?

– Дело в том, что к нам поступила жалоба от квартиросъемщика Мухина. На него из вашего окна выбросили мусорный пакет и испортили пальто.

– Когда? – удивилась Зоя.

– В субботу. В час дня.

– Да нас в субботу близко не было. Мы с мужем уезжали на дачу с пятницы по понедельник. У нас ведомственная дача в Снегирях.

– Извините, – сказала Мирка. – Значит, из другого окна.

Она положила трубку. В дверь позвонили. Это явился Леонард.

– На ловца и зверь бежит, – прокомментировала Мирка.

Ариадна распахнула дверь и прошипела, четко артикулируя каждую букву:

– Если ты завтра же не переедешь ко мне с вещами, я все верну на свои места.

Леонард растерялся. Он никогда не видел Ариадну в гневе. Она его завораживала. Была ужасна и прекрасна, как шипящая кошка со вздыбленной шерстью.

– На свои места – это как? – спросил Леон.

– Это Ося и мебель. Воссоединение семьи. Я не собираюсь жить и стареть в любовницах. Тебе понятно?

Все было понятно без слов. А уж со словами – тем более.

На другой день Леонард переехал с чемоданом. Переступил через себя.

Целую неделю он пил. Алкоголь – как наркоз. Иначе невозможно было вытерпеть боль разрыва. Рвалось по живому.

Леонард не ел и не спал. На него было жалко смотреть.

– Ну иди обратно, – искренне предлагала Ада. – Иди к ним, если ты без них не можешь.

– Но я и без тебя не могу.

– А мне ты ничего не должен. Ты должен им.

– При чем тут должен – не должен, – вздыхал Леонард. – Разве в этом дело?

– Живи легче, – советовала Ада.

– Я не могу легче. Не получается.

– Просто ты внутренне порядочный человек. В этом дело.

– Внешне, – поправил Леонард.

– Почему «внешне»?

– Потому что внутренне порядочные живут по-другому.

Ариадна поняла: его мучают угрызения совести. И это надолго. Если не навсегда.

Жизнь потекла по новому руслу.

Зоя пошла работать. Физиотерапевт в кремлевской поликлинике. Восемь часов в день проводила на людях. Это отвлекало и развлекало.

Володя ходил на карате.

Все выглядело не так безнадежно: работа, ребенок, дом. Однако дом – на песке. Снаружи все как надо: окна, крыша.

Но фундамента – нет. Дунешь – и рухнет.

Фундамент – любовь. А любовь ушла в другое место.

Зоя присматривалась к мужчинам. Все были заняты. У каждого дома своя жена и свои дети. Зачем им чужие? А те, что без жен, кто никому не понадобился, – ей тоже не нужны. После яркого, успешного, красивого Леонарда трудно переключиться на какую-нибудь серую мышь.

Зоя бодрилась, но мир ее рухнул. Заграницы, приемы в посольствах, рассадка за столом по протоколу, красивые одежды, машина к подъезду – все это растаяло, как мираж в пустыне. А вместо этого – кабинки физиотерапевтического кабинета, разделенные занавесками. Примерно то же самое испытывала Жозефина, когда ушел Наполеон. Она по-прежнему наряжалась и даже кокетничала с русским царем, но… мир ее рухнул. Дом без фундамента. Того и гляди, обрушится на голову. Все повторяется по спирали. Ничто не меняется в подлунном, подсолнечном мире.

Ариадна нравилась друзьям Леонарда – красивая, тихая, никуда не лезла. Очень хорошо воспитана (заслуга деда и бабушки). Хорошее воспитание буквально бросалось в глаза: умела красиво есть, умела слушать, уважая собеседника, а главное – не самоутверждалась.

И Ариадне тоже нравились друзья Леона и их жены. Они были, как правило, хорошо обеспечены, уверены в себе, вели здоровый образ жизни. Здесь редко встретишь алкоголика

или дебошира. Таких не держат. В отличие от телевидения. В своей среде Ариадна встречала всяких: сытых и голодных, успешных и неудачников, благородных и завистливых. Почти все ходили с сальными волосами и предпочитали носить черное, чтобы не стирать часто.

Ариадна получила повышение по службе. Все знали, что ее новый муж не какой-то Ося, а международник. Номенклатура. Значит, и Ада не просто Ада, а член семьи с привилегиями.

Коллеги завидовали, но не злобились. Ариадна правильно себя вела. В самой глубине души она была доброй, как дед. Любила людей, сочувствовала каждому. Ведь каждого можно за что-то пожалеть. Даже королеву английскую.

Прибегала Мирка. Очень много жрала. И задавала вопросы. Тоже много.

– Как Ося? – интересовалась Мирка.

– Кандидатскую защитил, – отвечала Ариадна, пробуя суп. Она готовила вечером. Другого времени не было.

– Дай тарелочку, – просила Мирка.

Ариадна послушно подавала суп и ложку.

– Ты меняешь мужа-ученого на кагэбэшника? – спрашивала Мирка.

– Уже поменяла, – уточняла Ада.

– Совсем с ума сошла?

– Это почему? – не понимала Ада.

– КГБ служит власти. А всякая власть – насилие.

– Но нельзя же отменить государство и власть.

– Отменить нельзя, а держаться подальше можно.

– Сейчас не тридцать седьмой год, а семьдесят третий.

– А что изменилось? Просто они зубы не выбивают. В психушки отправляют.

– Леон никого никуда не отправляет. Он – элита. Мозги.

– Вот это и есть самое зло, – заметила Мирка.

Ариадна пробовала мясо на готовность. Ложка обжигала.

– Я вышла замуж не за функцию, а за человека. А что касается функции, то такое принято во всем мире: ЦРУ, ФБР. Так устроен миропорядок.

– Можно не соглашаться с миропорядком.

– И что изменится? – спросила Ада.

– Миропорядок изменится. Не сразу. Постепенно.

– Не представляю себе, как можно бороться с целым государством. Это все равно что поставить табуретку на пути несущегося поезда. Он ее сшибет и разнесет, и никто не заметит.

– А как же правозащитники? Даниэль, Синявский, Зверев…

– Табуретки. Больные люди.

– Это ты больная. Не можешь бороться, отойди в сторону. Хотя бы не целуйся.

– Я целуюсь не с государством, а с мужчиной.

Мирка застонала.

– Зуб болит? – участливо спросила Ариадна.

– Это я от удовольствия. Вкусно очень. Весь день на сухомятке.

– Налить еще? – спросила Ада.

– Вообще-то я наелась. Ну да ладно. Поем впрок.

Ада поставила вторую тарелку. Мирка стала есть впрок. Идейные разногласия не портили аппетит.

С бабушкой что-то случилось.

Она стояла у плиты и жарила котлеты. Вдруг ни с того ни с сего сняла с себя фартук и легла на кровать.

– Что с тобой? – удивился дед. – Ты заболела?

– Я больше не хочу готовить, – ответила бабушка. – Я стою за плитой шестьдесят лет. Мне надоело.

– А как же обед?

– Не знаю. Мне все равно.

Дед растерялся.

– Но ведь Лизонька так устает. Ты же не хочешь, чтобы она работала в две смены: в театре и дома, – увещевал дед.

– Мне все равно.

Через неделю бабушки не стало. Она умерла на рассвете, как принято.

Дед не хотел в это поверить. Он простирал худые руки вверх и взывал:

– Сонечка, куда улетела твоя душенька?

Сонечка безмолвствовала. Дед стал метаться по комнате,

как большая птица, случайно влетевшая в незнакомое тесное помещение.

– Нет! – вопил дед. – Нет, нет, нет…

Он бился головой об стену. Вид его был страшен. Дед мог бы включить свой привычный конформизм: согласиться с Богом. Так устроен мир, все умирают в конце концов. Как все, так и мы. Спасибо и за это. Сонечка могла умереть раньше, а могла не родиться вообще… Но дед не хотел согласиться с Богом, не желал смириться со смертью жены. Он буквально рвал и метал. Разбил стеклянную дверь в столовой. Потом лег и затих.

К вечеру его не стало.

Лиза подозревала: дед что-то принял, заготовленное на крайний случай. Значит, его конформизм не был всеобъемлющим. С чем-то он мирился, а с чем-то нет.

Дед согласился с потерей статуса – был дворянин, стал совслужащий. Согласился с потерей богатства, жилья, страны. Но с потерей жены он согласиться не смог. Видимо, они были – одно.

И странно: дед никогда не демонстрировал своей любви к жене. Просто они понимали друг друга с полувзгляда. Понимали молча. Они, как правило, молчали, но это было не напряженное изнуряющее молчание скуки, когда все слова сказаны и нечего добавить.

Это было молчание глубокого, удовлетворенного покоя, когда ничего больше не надо, кроме того, что есть.

Хоронили их в одной могиле. Видимо, дед так хотел. В день похорон ему исполнилось девяносто пять лет.

Ариадна плакала безутешно. Ее успокаивали, увещевали: длинная жизнь, дай бог всякому столько пожить. Надо не плакать, а радоваться. Как в Индии.

Но Ариадна не хотела слушать. Объективно все правильно. Долгая жизнь, подарок судьбы. Остаться живым в этот жестокий век, дожить до правнука. Но Ариадна не судила объективно. Именно субъективно. Это ее дед, вечно живой и бесконечно любимый. Это ее бабушка, ее защита от всех врагов – внешних и внутренних. Без них как будто лопнуло полотно жизни. Образовалась прореха, в которую дул ледяной ветер.

Старики оставили внучке приданое: сундучок с драгоценностями. Но какими… Сапфиры – кабошоны, многокаратные бриллианты, изумруды, опалы. Всему этому не было цены. Молодец дед. Не все отдал Ленину. Кое-что оставил внучке.

Леонард сгонял в Ригу, у него были там свои люди. Продал кое-что, обменял камни на деньги.

На вырученную сумму купили дачу в ближнем Подмосковье. Отремонтировали, обставили, обвешали картинами. Получилось поместье.

Каждые выходные выезжали на свежий воздух, вывозили Марика. Совсем другое качество жизни.

Первое время Ариадна возила еду с собой, потом наняла повариху Галю, она же сторожиха.

Друзья Леона съезжались в гости, усаживались вокруг овального стола. Бедная Галя лезла из кожи вон, старалась угодить. И действительно угождала.

Еда – качественная, ни одного проходного блюда.

Компания – качественная. Ни одного случайного гостя, если не считать Мирку. Но Мирка приходила исключительно пожрать. Она жила одна и ленилась готовить себе одной. В беседах не участвовала. Ела и уходила. Это был ее протест.

Мирка оказалась своим человеком в доме. Ей все прощалось.

Друзья тоже были постоянные. Постоянные восемь человек, по количеству стульев вокруг стола. (Не считая хозяев.)

Ели, пили, пели песни Высоцкого и Галича – тех, кого выдавливали из страны. Не будешь же петь разрешенные песни, типа: «БАМ-БАМ-БАМ».

Один из гостей по фамилии Старосельский садился к роялю, играл Шопена. Играл довольно хорошо и сам себе подвывал.

Ариадна слушала и задумывалась невольно: «Что еще желать? А ничего…»

Леон хотел общего ребенка, но Ада боялась. Новый ребенок перетянет на себя всю отцовскую любовь, и Марику ничего не останется. Леон влюбится в нового ребенка и будет любить только своего.

Ариадна не хотела рисковать. Уклонялась от беременности.

Старосельский вернулся к столу и стал есть. Потом отвлекся от тарелки и объявил:

– Я решил написать пьесу «Прерванный полет».

– Про любовь? – спросила Ариадна.

– Про корейский самолет.

В стране недавно произошло событие, которое оглушило весь мир. Наши сбили корейский гражданский самолет, набитый пассажирами. Самолет нарушил границу.

– И про что вы напишете? – не поняла Ада.

– Как про что? Самолет-шпион. Летел, подглядывал.

– Предположим, подглядывал. И что он мог увидеть? – не выдержала Мирка.

– Наши ракеты.

– Ну, увидел. И что?

– Как что? Государственная тайна. Местонахождение.

– И из-за этого надо двести шестьдесят человек в море? С неба? Женщины и дети. Куклы на поверхности плавали.

– Я же не говорю, что это хорошо, – защитился Старосельский.

– А что вы говорите? – спросила Мирка.

Леон наклонился к Ариадне и тихо сказал на ухо:

– Давай ребеночка заведем. Сегодня же.

– Давай, – согласилась Ада, хотя знала, что никакого ребеночка не будет.

К вечеру все разъехались. Ариадна чувствовала себя усталой: то ли было накурено, то ли смешала вино с водкой…

Она развернула кресло к окну. Хотелось видеть только природу: деревья, небо.

Прошел соседский бульдог с человеческим лицом. Он был похож на соседа-юриста: та же выдвинутая нижняя челюсть, зализанный лоб, разумный взгляд.

Ариадне приснился сон, будто у нее выпали зубы.

Она позвонила Мирке и спросила: что это значит?

– С болью? – уточнила Мирка.

– Нет. Без боли. Выпали, и все.

– Это к смерти. Кто-то умрет, – пообещала Мирка.

И как в воду смотрела. Умерла мама Лиза. Прямо на сцене. Сердце.

Хорошая смерть, если разобраться. Только рано. Пятьдесят лет.

Фима плакал на похоронах. На него было невозможно смотреть. Видимо, он действительно любил Лизу. И свою семью тоже любил. Заботливый неверный муж – обычный еврейский вариант.

Ариадна благодарила Бога, что мама умерла позже бабушки и дедушки. Они не узнали о ее смерти.

Ариадна не могла поверить в то, что мамы больше нет. Ее как будто ударили дверью по лицу. Передвигалась как сомнамбула.

Потребовалось время, чтобы она все поняла и осознала.

Ариадна осталась сиротой. Только сын и Леон.

Это обстоятельство сплотило их еще сильнее, хотя сильнее невозможно. Леон понимал: он – единственная зашита. Он – ее ВСЁ.

По дому плавала любовь и обожание. Они называли друг друга не по имени, а давали смешные прозвища: масик, пусик, кукуся.

Любовью дышали. За любовь держались как за спасение.

К Мирке время от времени заходила Зоя. На правах соседки. Звонила в дверь.

Мирка открывала. Зоя стояла в старом халате, без лица. Лицо смыто слезами.

– Я решила покончить с собой, – сообщала Зоя, не входя в дом.

– Как? – спокойно интересовалась Мирка.

– Что за вопрос? – обижалась Зоя.

Она ждала испуга или хотя бы сочувствия. А вместо этого хамское «как?».

– Нормальный вопрос. Ты говоришь, что хочешь умереть, я спрашиваю: как?

Зоя молчала. Лицо было разнесчастное. Глаза как у покинутой козы.

– Только не вздумай вешаться, – предупредила Мирка.

– Почему?

– Описаешься и обкакаешься. Будешь висеть в очень неприглядном виде. Стыдно перед людьми.

– Почему?

– Потому что сфинктер расслабляется, все вываливается наружу.

– Да? – удивилась Зоя. – Первый раз слышу.

– И в окно не вздумай кидаться. Всю морду разобьешь. Как будешь в гробу выглядеть?

Зоя задумалась.

– А что остается? Стреляться?

– Это, конечно, лучше всего. Но где ты пистолет достанешь? И уборки много.

– Какой уборки?

– Это только в кино – маленькая дырочка в черепушке. А в жизни – знаешь? Полголовы снесет, и мозги по стенам. Мозгов много – ведро.

– Ужас, – содрогнулась Зоя.

– Я про это и говорю. Заходи, чаю попьем.

Зоя заходила. Пили чай.

Зоя оглядывала аскетическое жилище Мирки: убогая мебель, тусклый свет.

– Как в пещере, – заключала она. – Живешь как отшельник.

– А мне больше ничего не надо, – сознавалась Мирка. – Я домой только ночевать прихожу. Стол есть, кровать есть,

а остальное лишнее.

– Мужчины нет. Счастье – не лишнее.

– Не положили, – вздыхала Мирка.

– Кто не положил? Куда?

– Бог. В мою корзину.

– Значит, и мне не положил?

– Положил, потом вынул.

– Может, он передумает? Положит обратно?

– Попроси.

– Как?

– Ты что, не знаешь? Никогда не молилась?

– Никогда.

– Запоминай: «Отче наш, да святится имя твое, да будет царствие твое, яко на земле, так и на небе…»

– Прямо культ личности. Сплошное восхваление, – заметила Зоя.

– Естественно. Он – кто? Бог. А мы кто? Рабы Божьи.

– И помогает? – спросила Зоя.

– Что? – не поняла Мирка.

– Ну, молитва…

– Мне помогает. Правда. Легче становится. Причем сразу. Помолилась – и облегчение. Вот попробуй.

Зоя прикрыла глаза и проговорила, вникая в каждое слово:

– Отче наш… Помоги, пожалуйста. Да святится имя твое. Обрати на меня свое внимание. Посмотри, я еще не старая.

Мне еще долго жить, лет сорок. Ты же не позволишь, чтобы я всегда была одна, жила без ласки и ложилась в холодную кровать. Господи…

Леон и Ариадна время от времени жили за границей. Подолгу. Ада радовалась два раза: когда уезжала из Москвы и когда возвращалась обратно.

Вначале ей хотелось сменить обстановку, получить новые впечатления. Впечатления – это тоже витамины для души. Но через какое-то время ее начинало тянуть обратно в Москву. Хотелось быть дома, в своих стенах, в русском языке, в русском характере. Все-таки иностранцы другие, в них нет русского шарма, русской широты во все стороны – и в сторону высоты, и в сторону безобразия. Скучно. Чужое.

Леон был занят, работая за границей. Куда уходил, что делал – он не распространялся. И Ариадна не спрашивала. Меньше знаешь, лучше спишь.

Возник Горбачев и привел за собой перестройку.

Сахаров вернулся в Москву.

Леонард потерял работу.

Все рушилось на глазах. Свет и тень менялись местами. Переписывались учебники по истории. Менялось не только настоящее, но и прошлое. Читать стало интереснее, чем жить.

Ариадна вернула себе истинную фамилию: Шереметьева.

Подумывала: не вернуть ли фамильный особняк в центре Москвы? Но ремонт сожрал бы все накопления и вогнал в долги.

Леон растерялся в новом времени в отличие от своих коллег. Мидовцы мутировали, как вирусы. Вирус – вечен.

Леон – не вписался. Он был похож на динозавра, который вдруг вышел из папоротников и ничего не понимает: климат другой, растительность другая, звери вокруг – не те.

Ариадна, наоборот, воспрянула. Она с восторгом почувствовала, что можно взять руль в свои руки и разруливать эту новую жизнь. В ней проснулся дед.

Ариадна выгодно продала часть драгоценностей. В стране появились богатые и супербогатые, которые могли купить. Взяла кредит в банке. Банкир – бывший мидовец, дал кредит на льготных условиях.

Ариадна насобирала базовый капитал и – вперед. Как Чапаев. Она открыла ресторан в центре Москвы. Взяла напарника, молодого мужика. Внук того самого Старосельского, который хотел написать пьесу. Сложились поровну, пятьдесят на пятьдесят. Ада решила, что так будет легче и материально, и организационно.

Первое время ресторан давал мощную прибыль. Народ шел не убывая. И это понятно: вкусная кухня и удобное место. Центр. Ариадна ликовала. Но не долго музыка играла. Прибыль вдруг прервалась. Что? Почему? Непонятно.

Ариадна спрашивала своего напарника, молодого Старо-

сельского:

– Андрей, в чем дело?

– Поставки подорожали, – туманно отвечал Андрей.

В другой раз сваливал на посредников. Каждый раз находилась новая причина.

– Давай разделим бухгалтерию. Пусть у каждого будет свой бухгалтер, – распорядилась Ада.

Андрей сделал кислую мину.

– Зачем? Вы что, мне не верите?

Ариадна именно что не верила. Андрей явно утаивал прибыль. Забирал все себе.

Ариадна договорилась с «крышей». У нее была своя «крыша». Главный крышующий – азербайджанец Ильхам. Ильхам окончил университет, не бандит с большой дороги, цивилизованный человек. Он выслушал Ариадну с особым мусульманским почтением, склонив голову.

Договорились об условиях. Ильхаму доставалось двадцать процентов от выколоченной суммы.

Дальше все было просто.

Ариадна пригласила Андрея на чашку чая. Андрей откладывал визит: что за интерес пить чай с теткой, которая годится в мамаши. Потом все-таки пришел.

Ариадна красиво сервировала стол: английский фарфор, тусклое серебро.

Улучив минуту, Ариадна вышла в кухню за сливками, и в это время появился Ильхам. Сел на место Ады.

О чем они беседовали с Андреем, в какой форме состоялся разговор – осталось тайной. Но на другой день Андрей буквально приполз на карачках и принес в зубах недостающую сумму – все, что он утаил, а может, и свое прибавил. Этих денег хватило на то, чтобы выкупить у Андрея его долю.

Он продавать не собирался, но и связываться с Ариадной – себе дороже.

Внук Старосельского – как летчик того корейского самолета. Залетел на чужую территорию и надеялся, что обойдется. Но не обошлось. Андрей рухнул с большой финансовой высоты.

Ресторан перешел к Ариадне. Это совсем другое дело. И совсем другая прибыль.

Леон диву давался: как ему повезло с женой. Когда уходил от Зои к Аде, он брал кота в мешке. Ариадна вполне могла оказаться стервой, для этого были все основания: избалована, залюблена, красива. Но Ада оказалась идеальной женой, верным другом и умела зарабатывать – легко и виртуозно. И ей это нравилось: зарабатывать. Ей вообще нравилось жить. Ариадна жила с удовольствием. У нее было постоянно хорошее настроение. И в доме как будто светило солнце. Всегда хорошая погода, как на Кубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.